

Слова, произнесённые обычным тоном Джехёка, прозвучали почти как вызов. Секундой позже он пожалел об этом. Его резкая манера часто производила впечатление грубости, и люди нередко называли его сложным в общении. Этот момент казался как раз таким. Сиху удивлённо распахнул глаза, и Джехёк поспешил добавить:

— Я не против. Просто... неожиданно.

Он мог бы остановиться, но собственное любопытство заставило его добавить ещё одну фразу:

— Ты обычно не любишь впутываться в чужие дела.

Слова Джехёка заставили Сиху тихо рассмеяться. Он не выглядел расстроенным — напротив, издал низкий смешок, словно ситуация показалась ему забавной в неожиданном ключе. Спустя несколько секунд он посмотрел на Джехёка сверху вниз, и его полуприкрытые глаза сделали этот миг странно интимным.

Сиху слегка наклонился вперёд, сократив расстояние между ними, пока их носы почти не соприкоснулись. Достаточно близко, чтобы чувствовать дыхание друг друга. Та близость, которую посторонние могли легко истолковать превратно. Хотя было неловко, Джехёк не отступил. Сделай он так — выглядело бы ещё страннее. Вместо этого он замер, не зная, что делать, и в итоге уставился прямо в лицо Сиху.

Губы, оказавшиеся так близко к его собственным, были бледно-розоватого оттенка. Мелькнуло мимолётное воспоминание о том, что говорили некоторые недоброжелатели Сиху: «Что это у парня за цвет губ?»

Сиху был хорошо известен по всему кампусу, даже за пределами бизнес-факультета, так что

Джехёк часто слышал, как о нём говорят.

С такого расстояния детали лица Сиху, которые Джехёк обычно не замечал, вдруг показались незнакомыми. Конечно, он всегда знал, что Сиху красив, но вблизи это стало очевидно до боли. Сиху был не просто красивым — он был невероятно красивым.

Хотя слово «красивый» подходило ему больше, чем «прекрасный», в его чертах несомненно присутствовала утончённость. Смелые брови придавали мужественность, но тонко очерченные, чуть приподнятые к вискам глаза были изящными. Ресницы необычно длинные, почти как у иностранца, а губы, как уже было сказано, — неестественно нежного розового оттенка. И при этом идеально прямой нос и чётко очерченная линия челюсти.

Иногда такие острые черты могут делать лицо устрашающим, но у Сиху — нет. Его лицо было безупречным, без единого изъяна.

Так вот почему все хотят с ним встречаться?

Джехёк вновь задался этим вопросом. Поскольку он никогда ни в кого не влюблялся, он не до конца понимал, что заставляет людей хотеть быть с кем-то. Что именно в человеке пробуждает такое желание? Он думал об этом каждый раз, когда кто-то признавался ему. Неужели одна лишь внешность способна дать смелость на признание?

Применительно к себе такое рассуждение казалось бессмысленным, но сейчас, глядя на Сиху, это становилось чуть более понятным. Даже на лекциях по мифологии они изучали истории о богах и смертных, которые сходили с ума от любви лишь из-за чьей-то красоты.

— Видишь? Ты так хорошо меня знаешь, Джехёк...

Голос Сиху был таким тихим, что почти походил на шёпот, и вырвал Джехёка из раздумий. Только тогда он осознал, что бессознательно пялился, чуть ли не изучая лицо Сиху.

— ...Но мне кажется, я стал отдаляться от тебя. Меня это беспокоит.

Сиху звучал на удивление искренне, будто его действительно тревожило это. Джехёк слегка нахмурился. Что я сделал не так?

— Почему ты так думаешь? — спросил Джехёк.

— Ты завёл новых друзей, а я даже не знал об этом. Выглядите довольно близкими.

А.

Джехёк ощутил странное чувство, будто под рёбрами защекотало, и это оставило в нём смутную смесь эмоций. Это было настолько несвойственное Сиху замечание — почти по-детски, — что именно это делало его таким необычным. Зная, как мало Сиху обычно заботится о том, что люди отдаляются, этот комментарий был тем более удивительным.

— Ты говоришь о Ким Иджуне?

Единственный сокурсник, с которым Сиху мог видеть Джахёка, — вероятно, Иджун. В конце концов, Иджун был единственным человеком на факультете, кого Джахёк мог хоть отдалённо назвать знакомым. Когда Джахёк произнёс это имя, Сиху едва заметно приподнял уголки губ в тонкой улыбке, но не ответил.

— Я не знаю его имени. Просто тот парень, который садится рядом с тобой, когда я опаздываю.

— Ага, это Ким Иджун.

Подтвердив это, Джахёк задумался. Иджун — друг? Он моргнул, пытаясь вспомнить последний год. Они не были достаточно близки, чтобы чувствовать себя настоящими друзьями, но Иджун не вызывал у него дискомфорта. Сколько бы Джахёк ни пытался оттолкнуть его, Иджун всегда заговаривал первым и втягивал его в какие-то дела. Благодаря Иджуну Джахёку удалось как-то вписаться в жизнь факультета.

Даже сегодня именно Иджун рассказал ему о слухах.

Между ними не было особенно запоминающихся моментов, но если по-настоящему задуматься, Джахёк полагал, что мог бы назвать Иджуна другом. Он решил не противоречить словам Сиху.

— Но я чувствую себя с ним не так комфортно, как с тобой, — признался Джахёк, решив, что это может успокоить Сиху. Говорить нечто столь несвойственное себе было немного неловко.

— Правда? — вопрос Сиху прозвучал почти по-детски, с ноткой уязвимости. Его брови слегка приподнялись, придавая лицу почти жалобное выражение, которое почему-то заставило Джахёка почувствовать укол совести.

— Конечно.

— Тогда почему ты не рассказал мне о том, что он говорил раньше? — спросил Сиху.

— О чём ты?

— Ты сказал, что тебя бросили. Я даже не знал, что ты с кем-то встречаешься, — произнёс Сиху с непринуждённым, но любопытным тоном.

Что ж, откуда ему было знать. У Джехёка и Сиху не было общих занятий, кроме общеобразовательных курсов, а даже когда они виделись, они никогда не обсуждали личные дела.

— Как бы я мог рассказать тебе такое неловкое? К тому же ты сам ни разу не упоминал, что с кем-то встречаешься, так что я думал, тебе не нравится говорить о подобных вещах.

Джехёк почувствовал, как шею заливают краской. Когда его бросали, на самом деле, он почти ничего не чувствовал, но произносить это вслух перед Сиху сейчас было до жути стыдно. Тревога о себе, которую он считал навсегда похороненной, начала вновь заползать в сознание.

— Чего тут стесняться передо мной? — искренне спросил Сиху.

Джехёк не нашёлся, что ответить. В конце концов, быть брошенным не один, а целых шесть раз — это не то, чем можно похвастаться. Напротив, это служило доказательством того, что с ним что-то не так. И схема всегда была одной и той же: сначала признавались ему, встречались недолго, а затем расставались.

В голове эхом отозвались слова Иджуна, сказанные ранее:

«Люди уже начинают думать, что с тобой всерьёз что-то не так. Придумывают всякие теории.»

Слухи распространяются с быстротой лесного пожара — их невозможно остановить, а на своём пути они оставляют выжженную землю. Для тех, кто их распускает, это всего лишь мимолётное развлечение, но тому, кто оказался в центре, восстановить сожжённое дотла порой требуются долгие мучительные годы. Джехёк знал это слишком хорошо по неумолчному шёпоту, что изводил его в средней и старшей школе. Он не хотел пережить это снова.

— Это моя проблема, — выпалил Джехёк, чувствуя, что задыхается. Это была не просто метафора — он действительно не мог вздохнуть полной грудью, словно воздух вокруг сжимался в тиски.

— То, что тебя бросают — это твоя проблема? — Сиху приподнял брови, в голосе мелькнуло удивление.

Джехёк не думал, что когда-либо сможет в этом признаться, но почему-то с Сиху это казалось возможным. Даже когда слова слетели с губ, он сам не мог поверить, что сказал это. Дыхание стало поверхностным и частым, будто он только что пробежал марафон. Он сжал губы, пытаясь молча успокоиться, но ничего не выходило.

— Прости.

Неожиданное извинение заставило Джехёка моргнуть от удивления. Сиху виновато улыбнулся, выглядя слегка смущённым.

— Я не хотел на тебя давить.

Сначала Джехёк не понял, за что именно тот извиняется, но затем Сиху протянул руку.

— Так что просто дыши медленно.

Его прохладная ладонь коснулась лба Джехёка. Мягкое, успокаивающее прикосновение было совсем не похоже на загрубевшие руки самого Джехёка. Сиху слишком хорошо знал о склонности Джехёка задыхаться, когда эмоции берут верх. Это был не первый раз, когда он так помогал ему прийти в себя.

Постепенно Джехёк начал дышать ровнее. Он чуть приоткрыл губы, медленно выдыхая, а затем сделал глубокий вдох. Это движение напомнило ему о дне их первой встречи. Тогда не случилось ничего особенного — просто после футбольной тренировки Джехёк с трудом тащился вверх по лестнице. Это было первое слово, которое Сиху ему сказал:

«Похоже, ты сейчас упадёшь.»

— Всё так же, как и тогда. Ты становишься таким, когда нервничаешь, — тихо заметил Сиху.

В тот день Джехёк, вероятно, только что вернулся после очередной ссоры дома. Его дядя, улучив момент, пока тётя была в командировке, обрушил на него шквал оскорблений. А кузены, сидя за обеденным столом, с удовольствием наблюдали за этим представлением.

«Кем ты себя возомнил, сидишь здесь и ешь с нами? Думаешь, мы семья, просто потому что приютили тебя? Что за чушь с этим футболом? Только деньги моих детей переводишь. От тебя воняет потом — убирайся с глаз. Я же сказал тебе как следует мыться?»

Джехёк смутно помнил, что эти слова обрушились на него сразу после душа. С тех пор как он переехал к ним после смерти родителей, такое случалось не впервые.

Хотя он научился пропускать это мимо ушей, в тот день эти слова стали спусковым крючком. Джехёк безжалостно гнал себя на тренировке, думая, что не имеет права расслабляться. Футбол был единственным, что держало его на плаву, — именно благодаря ему он мог оставаться в этом доме. По крайней мере, пока он не станет взрослым, он должен терпеть, что бы ни случилось.

В тот день он был совершенно обессилен — физически и морально. Когда он уже собрался уходить с поля, к нему впервые подошёл Сиху и протянул бутылку с водой.

«Пей, пока медленно дышишь».

Прохлада руки Сиху, коснувшейся его собственной, была именно тем, что ему тогда требовалось, — так же как и сейчас.

Погружённый в воспоминания, Джехёк сосредоточился на температуре ладони Сиху, которая успокаивала его, как ничто другое. Но тут в голове мелькнула мысль: «Это, наверное, противно». Вздвогнув, Джехёк слегка отстранился.

— Тебе не нужно извиняться. Ты меня ни к чему не принуждал, — быстро сказал Джехёк, чувствуя вину за то, что уже второй раз заставил Сиху извиняться без нужды. Место на лбу, которого коснулась рука Сиху, всё ещё слегка покалывало. Даже в хаосе мыслей Джехёк вдруг подумал: может, именно из-за такой доброты Сиху так нравится людям?

Случайная мысль, которая совсем не вязалась с ситуацией.

— Тебе уже лучше? — спросил Сиху.

— Да, — тихо ответил Джехёк.

Он поднял руку и потёр затылок. Пальцы скользнули по аккуратно подстриженной линии волос на шее, а взгляд устремился в сторону. Затем, словно желая развеять остаточное напряжение, он сменил тему:

— Пойдём уже. Мы ведь собирались выпить?

— Ты уверен?